

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЕЩАНИЯ И РАЗОЧАРОВАНИЯ И. КАНТА

Хомич Елена Викторовна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры
философии и методологии науки,
Белорусский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению статуса антропологических воззрений И. Канта в динамике историко-философской традиции. Отмечается, что Кант, с одной стороны, предпринял наиболее радикальную для классики попытку центрации мира, познания и морали на человеке. Тем самым Кант и его «коперниканский переворот» стали важнейшей предпосылкой последующего антропологического поворота. С другой стороны, поставив свои знаменитые антропологические вопросы, Кант фактически ушел в сторону от решения проблемы человека. Расширяя возможности человеческого разума, он указал и на его границы; декларируя приоритет морального закона в этике он потерял реального человека; а его исключение Бога из науки и нравственности стали началом «смерти бога», как следствие, «смерти человека».

Ключевые слова: И. Кант; человек; антропология; антропологические вопросы; коперниканский переворот; антропологический поворот; смерть бога; смерть человека.

ANTHROPOLOGICAL PROMISES AND DISAPPOINTMENTS OF I. KANT

Khomitch Elena V.

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor of the Department
of Philosophy and methodology of science,
Belarusian State University

Abstract. The article deals with the status of I. Kant's anthropological views in the dynamics of philosophical tradition. It is noted that Kant, on the one hand, made the most radical attempt to center the world, cognition and morality on human being. Thus, Kant and his "Copernican revolution" became the most important prerequisite for the subsequent anthropological turn. On the other hand, by posing his famous anthropological questions, Kant actually moved away from solving the problem of the human. Expanding the possibilities of human reason, he also pointed out its limits; declaring the priority of the moral law in ethics, he lost the real man; and his exclusion of God from science and morality became the beginning of the "death of God", as a consequence, the "death of human".

Keywords: I. Kant; human being; anthropology; anthropological questions; Copernican revolution; anthropological turn; death of God; death of human

В современных философских реконструкциях за И. Кантом прочно утвердилась репутация одного из самых антропологически ориентированных авторов. Акцентируя проблему человека в качестве основного философского вопроса, Кант гениально подвел черту под основными интенциями классического гуманизма и одновременно предвосхитил многие коллизии последующего «антропологического кризиса». Осуществленный им «коперниканский поворот» стал столь убедительной попыткой центрации мира на человеке, что едва ли философия вновь рискнет апеллировать к реальности без учета открытого им опыта субъективности.

Вместе с тем в обращении к человеку как основанию и смысловому центру философского творчества Кант отнюдь не был оригинален. История показывает, что построение новых мировоззренческих галактик, как правило, начиналась с актуализации темы человеческого самопознания, где именно в феномене «Я» мысль находила новые абсолютные начала бытия и истины. Имена Сократа, Августина и Р. Декарта в равной мере могут претендовать на лавры Коперника в деле открывателей новых горизонтов и центров Универсума.

Далеко не единственной в философии выступает также кантовская редакция антропологических вопросов. Практически каждая эпоха выдвигает свой спектр значимых для культуры сюжетов, интерпретация которых порождает многообразие философских образов человека. Заслуга Канта в этом аспекте связана с тем, что в его версии наиболее рельефно отразились глубинные интенции новоевропейской культуры, ориентированные на познающего, действующего и верящего субъекта как гаранта творчества и прогресса. Истоки подобного опыта субъективности мы находим у Декарта, в то время как Кант, полностью демистифицируя *cogito*, лишь довел до логического завершения просвещенческий идеал личности, покоящийся на законодательной миссии разума в природе и обществе. Религиозная идея человека как «образа и подобия» и соотнесенные с ней мотивы: «Кто мы? Откуда пришли и куда идем?» – заменяются здесь новыми, востребованными ситуацией темами: «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я смею надеяться?» [1, с. 438].

Собственно, если в истории европейской мысли когда-либо и существовала гуманистическая установка на понимание человека как самодостаточной и безусловной ценности, то только Кант может быть

рассмотрен в качестве ее действительного и верного адепта. В его концепции нет даже намека на возможную редукцию человека к природе, поскольку благодаря трансцендентальным основаниям разума он изначально противостоит царству природной причинности и организует себя по отношению к последней как свободное, целеполагающее начало. Фактически у Канта отсутствует и традиционная для классики апелляция к Богу, в котором видели необходимое условие существования истины и морали. Бог – это инстанция, оказавшаяся для Канта «избыточной» для объяснения опытной реальности и обоснования нравственности. Только человек может быть рассмотрен как действительный центр и цель бытия, только в нём самом могут быть найдены безусловные основания истины и долга.

Однако, отдавая дань должного Канту в миссии вознесения человека на недостижимый ранее пьедестал, необходимо отметить, что именно человека в его учении как раз таки и нет. Несмотря на несомненный культурный резонанс, который имели его «Критики», посвященные знаменитым антропологическим вопросам, последний и основной вопрос о том, что есть человек, остался открытым. Вслед за Дж. Пико делла Мирандолой, решавшего загадку «образа и подобия», Кант мог бы сказать, что человек – это «творение неопределенного образа». Несомненно, подобной неопределенности Кант не допускает, но в своей «Антропологии» он предлагает «множество ценных замечок к познанию человека: об эгоизме, об искренности и лжи, о фантазии, о ясновидении и мечтательности, о душевных болезнях и о шутке. Сам же вопрос, что такое человек, здесь вообще не ставится» [2, с. 159–160]. Начинаясь как грандиозный антропологический проект, философия Канта приходит к привычному для классики апофатическому отсутствию человека.

Разочарование вызывают и кантовские ответы на антропологические вопросы. Говоря о возможностях познания, Кант акцентирует творческий и конструктивный статус человеческого разума по отношению к действительности, но одновременно определяет и его границы, поскольку знание о реалиях вещей-в-себе для нас в принципе недоступно. Тем самым, складывается парадоксальная ситуация, когда мы можем знать всё, но одновременно и ничего не знаем. Подчиняя человека моральному закону, Кант отказывает ему в праве на счастье. Живой, чувствующий и переживающий человек фактически исчезает из этики Канта, заменяясь абстрактным формальным субъектом морального действия. Наконец,

вытесняя Бога в область надежды, Кант во многом предварил его последующую «смерть», а «смерть бога» стала началом «смерти человека».

Послекантовская философская традиция выступает как грандиозный и трагический парадокс по поводу его знаменитых антропологических вопросов. «Антропологический поворот» в XX в. стал органичным следствием его «коперниканского переворота». Единственно доступный и достойный объект для нашего познавательного интереса – это мир человеческого существования. В открытой Кантом галактике только человек может быть рассмотрен как подлинный ее демиург и законодатель. Вместе с тем поиски человека в современной культуре завершились уже знакомым антропологическим парадоксом: он не только творец, но и пленник этого мира. Зоны его присутствия, несомненно расширившиеся после Канта за счёт проецирования границ трансцендентально-конструктивистского начала на новые сферы (общества, истории, языка, политики, жизни и т. д.), лишь ярче и полнее демонстрируют тотальную ангажированность и подчиненность человека, его фактическое отсутствие как центра и гаранта социального прогресса.

Постмодернистский тезис о «смерти человека» лишь констатирует тот факт, что в качестве цели и ценности человек не состоялся, да и едва ли это было возможно при том апофатическом облике вещи-в-себе, которым наделяются у Канта эти понятия. Человек сегодня лишь средство для осуществления анонимных и всемогущих процессов истории, языка, власти. Отрицая саму возможность человека как самодостаточного начала, современность тем не менее во многом остается зависимой от кантовской постановки проблемы. Культура ещё не переболела его вопросами, но лишь адаптировала их к новому инструментально-прагматическому облику личности, интересующейся лишь тем, «что мне *надо* знать, что я *могу* делать и на что я *могу рассчитывать*».

Казалось бы, «нет человека, нет проблемы». Однако действительная проблематичность нашего времени состоит именно в отсутствии здесь «человеческого, слишком человеческого». То антропологическое искушение, в котором европейская мысль пребывала после Канта, подошло к своему логическому и культурно-историческому завершению. Пока ещё сложно прогнозировать, каким будет блок новых антропологических вопросов, вместе с тем очевидно, что едва ли человечество сможет всерьёз и надолго обойтись без человека.

Список литературы

1. Кант, И. Логика. Пособие к лекциям / И. Кант // Трактаты. – СПб : Наука, 1996. – С. 425-534.
2. Бубер, М. Проблема человека // Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. – С. 157–232.